

Лауреаты
Международного
конкурса
имени Сергея
Михалкова

Ольга Златогорская

Исключение из правил

Лауреаты Международного
конкурса имени Сергея Михалкова

Ольга Златогорская
Исключение из правил

Издательство «Детская литература»

2022

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Златогорская О. В.

Исключение из правил / О. В. Златогорская — Издательство «Детская литература», 2022 — (Лауреаты Международного конкурса имени Сергея Михалкова)

ISBN 978-5-08-006792-1

Герои повести «Исключение из правил», четырнадцатилетние подростки, оказываются втянутыми в невероятные события: кто-то крадет у ребят таланты! Лишившись своей гениальности, можно опустить руки, а можно учиться использовать свои сильные стороны – и примером помочь не отчаиваться другим. Фантастический сюжет не мешает автору говорить с читателями на серьезные темы. Это и одиночество, и желание быть особенным, и огромная ценность дружбы, и страх продемонстрировать свою уязвимость. Герои размышляют, чувствуют, живут – и ищут выход из сложной ситуации. Для среднего и старшего школьного возраста.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-08-006792-1

© Златогорская О. В., 2022
© Издательство «Детская
литература», 2022

Содержание

О конкурсе	6
Антон	9
Настя	30
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Ольга Златогорская

Исключение из правил

© Златогорская О. В., 2022

© Путилина К. С., иллюстрации, 2022

© Рыбаков А., оформление серии, 2011

© Макет. АО «Издательство «Детская литература», 2022

О конкурсе

Первый Конкурс Сергея Михалкова на лучшее художественное произведение для подростков был объявлен в ноябре 2007 года по инициативе Российского Фонда Культуры и Совета по детской книге России. Тогда Конкурс задумывался как разовый проект, как подарок, приуроченный к 95-летию Сергея Михалкова и 40-летию возглавляемой им Российской национальной секции в Международном совете по детской книге. В качестве девиза была выбрана фраза классика: «Просто поговорим о жизни. Я расскажу тебе, что это такое». Сам Михалков стал почетным председателем жюри Конкурса, а возглавила работу жюри известная детская писательница Ирина Токмакова.

В августе 2009 года С. В. Михалков ушел из жизни. В память о нем было решено проводить конкурсы регулярно, что происходит до настоящего времени. Каждые два года жюри рассматривает от 300 до 600 рукописей. В 2009 году, на втором Конкурсе, был выбран и постоянный девиз. Им стало выражение Сергея Михалкова: «Сегодня – дети, завтра – народ».

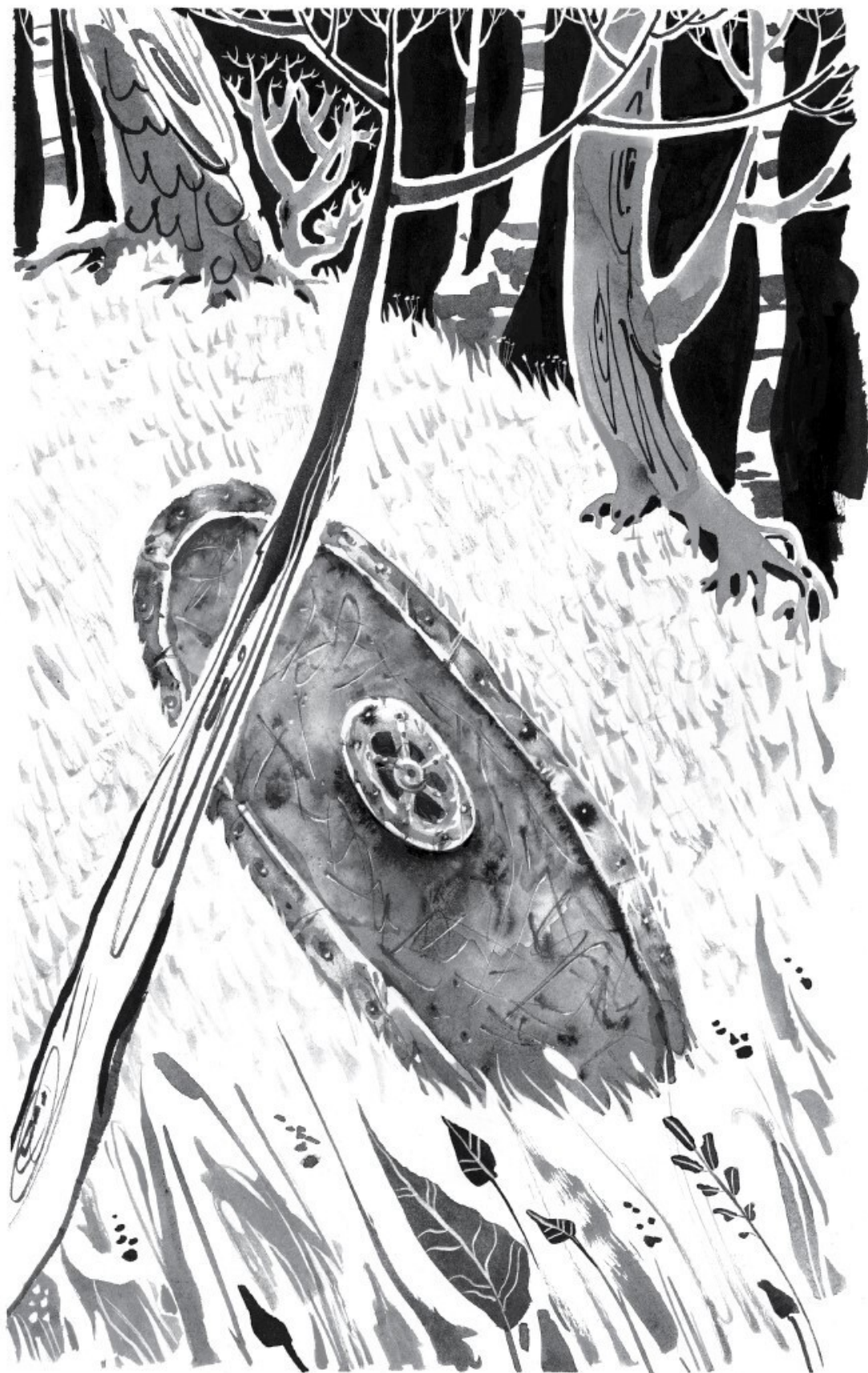
В 2020 году подведены итоги уже седьмого Конкурса.

Отправить свою рукопись на Конкурс может любой совершеннолетний автор, пишущий для подростков на русском языке. Судят присланные произведения два состава жюри: взрослое и детское, состоящее из 12 подростков в возрасте от 12 до 16 лет. Лауреатами становятся 13 авторов лучших работ. Три лауреата Конкурса получают денежную премию.

Эти рукописи можно смело назвать показателем современного литературного процесса в его подростковом «секторе». Их отличает актуальность и острота тем (отношения в семье, поиск своего места в жизни, проблемы школы и улицы, человечность и равнодушие взрослых и детей и многие другие), жизнеутверждающие развязки, поддержание традиционных культурных и семейных ценностей. Центральной проблемой многих произведений является нравственный облик современного подростка.

С 2014 года издательство «Детская литература» начало выпуск серии книг «Лауреаты Международного конкурса имени Сергея Михалкова». В ней публикуются произведения, вошедшие в шорт-листы конкурсов. К началу 2022 года в серии уже издано более 50 книг. Выходят в свет повести, романы и стихи лауреатов седьмого Конкурса. Планируется издать в лауреатской серии книги-победители всех конкурсов. Эти книги помогут читателям-подросткам открыть для себя новых современных талантливых авторов.

Книги серии нашли живой читательский отклик. Ими интересуются как подростки, так и родители, библиотекари. В 2015 году издательство «Детская литература» стало победителем ежегодного конкурса ассоциации книгоиздателей «Лучшие книги года 2014» в номинации «Лучшая книга для детей и юношества» именно за эту серию.

Антон

Настя позвонила утром, как обещала.

– Привет! Гулять идем?

Голос веселый, значит, вырвалась надолго.

– Идем, – подтвердил я. – Тебя до сколько отпустили?

– До вечера!

– Круть. А что ты им сказала?

– Что мне в больницу надо!

– А они не спросили: куда, зачем?

– Закудахтали, конечно. «Ой, Настенька, а что случилось? Ой, Настенька, давай мы тебя проводим!»

– А ты что?

– А я им говорю: «Как хорошо, проводите, конечно, в стоматологии так скучно одной сидеть!» Они тут же и отвяли. Желающих нет полдня бормашину слушать.

Я даже позавидовал немного:

– Ты находчивая...

– Не, ну а чего они? – слегка обиженно спросила Настя. – Лезут и лезут. Даже в каникулы от них покоя нет.

– Да ваще. Не представляю, как ты круглый год с воспитателями.

– Ой, не говори. Лан, жди через двадцать минут, – отозвалась Настя и отключилась.

Я бросил мобильник на диван и заторопился. Настя-то, конечно, давно встала, у них подъем в восемь. А я даже не завтракал. Хорошо хоть греть не надо: бабушка кашу оставила в мультиварке.

Поев и помыв посуду, я нарубил побольше бутербродов с колбасой, сложил в рюкзак. Налил в стальной термос сладкого чая. Первое, чему научила меня дружба с Настей: детдомовские всегда хотят есть и терпеть не могут просить.

В рюкзак я сунул спички, фонарик и мультитул. Неизвестно, куда потянет Настю сегодня. Как-то раз мы долго сидели на заброшенной стройке и жгли костер. Настя сказала: «Дом напо-

минает», – и я даже не заикнулся, что мне стрёмно. В другой раз она долго таскала меня по каким-то подземным коридорам. Я светил фонариком в мобильнике, батарея почти села, и я чуть не остался без связи. Так что теперь ношу фонарик отдельно. А мультитул пригождался столько раз, что и посчитать нельзя. То я им отколупывал щеколду на двери в приглянувшемся Насте подвале. То какую-то сетку перерезал, перекрывшую дыру в заборе. То веточки заострял, когда мы жарили на костре хлеб. Так что ценная это вещь – нож с набором инструментов.

Только я закрыл молнию на рюкзаке, и в коридоре коротко свистнул звонок. Я даже в глазок не стал смотреть, просто открыл дверь. Прошло ровно двадцать минут. Да и звонить так умеет только один человек – чуть трогает пальцем кнопку, чтобы искусственный соловей оборвал свою механическую трель в самом начале.

За дверь действительно стояла Настя – в смешной трикотажной шапке в желто-красную полоску, из-под которой косо торчала черная челка. Растянутый серо-синий свитер висел на ней, как на вешалке. Рваные джинсы обтягивали худые ноги. Ярко-красные кеды завершали общую картину.

– Заходи.

Настя переступила через порог и закрыла за собой дверь.

Я спросил:

– Слушай, ваши воспиталки в обморок не падают от твоего вида?

– Не, они привыкли, – явно думая о чем-то другом, отозвалась Настя. Но вдруг глаза ее озорно блеснули: – Ну, первое время падали, конечно. Ты же знаешь, как нас одевают. Чтобы никто не подумал, что притесняют бедных сироток. А меня бесит все это. Я им не манекен в магазине.

– Но кеды ты выбрала хорошие! – слегка подначил я.

– Это китайская подделка под «конверсы», Тоха, – снисходительно отозвалась Настя, разуваясь. – Кеды как кеды.

Мы прошли в мою комнату. Я повернулся к столу, чтобы включить комп. На всякий случай уточнил:

– Врубаю? Будем картинки смотреть?

Настя плюхнулась на диван, чуть не раздавив мой мобильник.

– Так я ж тебе прислала. Ты не видел?

– Нет...

Я открыл свою страницу «ВКонтакте». Действительно, от Насти пришло новое сообщение. С картинками.

– Как ты вышла в Инет? – не понял я.

Компьютерный класс у них летом закрыт, а телефон у Насти был простенький, кнопочный.

– А как это делают все нормальные люди? – недовольно отозвалась Настя и достала из заднего кармана смартфон. Хороший, хоть и не новый, с плоским экраном.

– Ого! Где взяла?

– Украла, – мрачно отозвалась Настя.

У меня, наверное, изменилось лицо, потому что Настя бросила на меня быстрый взгляд и усмехнулась:

– Да ладно, не парься. Шучу. Подарили мне.

– Кто? – машинально спросил я.

– Ну, кто-кто, – сквозь зубы процедила Настя. – *Эта*.

– Кураторша твоя?

– Ага.

– Опять мозги полоскала? – догадался я.

– А то. Приехала и давай проповедовать: «Настенька, надо уже думать, куда ты дальше пойдешь, все-таки восьмой класс закончила, пора определяться...»

– А ты чего?

– А чего я? Что я ей скажу? Что я после школы собираюсь с крыши прыгнуть и всюю готовлюсь?

Голос у Насти звенел, и я не знал, что сказать. Просто кивнул. Сам я тоже не строил планов. Никаких особых пристрастий у меня не было, талантов тоже. Но ко мне хотя бы никто не пристаёт. Бабушке это в голову не приходит, а родители приезжают слишком редко, и хватает других тем для разговоров.

Настя подтащила табуретку поближе к столу. Негромко сказала:

– Приезжают такие... с подарочками. Думают, что купили. И давай воспитывать: «Тебе надо то, тебе надо сё». А потом она едет домой и до следующего раза меня не вспоминает. Сама дома кайфует, телик смотрит, чай гоняет. А ты сидишь в общей спальне и думаешь: зачем она приходила? Зачем дразнит?

– Ты у нее хотела бы жить, что ли? – не понял я.

– Да щас. Чего я там не видела? Чтобы она мне не раз в неделю, а каждый день по ушам ездила, на законных основаниях?

Я совсем запутался.

– Тогда в чем проблема?

– Ни в чем, – резко сказала Настя. – Ты не поймешь.

Иногда она говорит – как будто толкает словами. Вот и сейчас меня словно ударили кулаком в грудь – не больно, но ощутимо. Я не ответил. Просто не знаю, что в таких случаях говорить.

А Настя буркнула:

– Картинки-то открой.

Я щелкнул мышкой, во весь экран развернулась фотография. На ней – каменная лестница с металлическими перилами, уходящая вниз, к беспокойному морю. Весь снимок выдержан в сине-серой гамме, от которой сразу повеяло холодом и сыростью. Это не ласковое лазурное море с высоким голубым небосводом, как показывают в рекламе. Это настоящее, серьезное море. Я вдруг услышал, как кричат чайки и шумит ветер. И смотрел, смотрел на эту картинку. Словно уже был там, на берегу.

– Годится? – вырвал меня из транса голос Насти.

– Ты издеваешься?

– Почему? Ты же сам говорил: в Москве можно найти что угодно, только места надо знать. Говорил?

Я возмутился:

– Но не море же! Откуда в Москве море?

– Москва – порт пяти морей! – важно отозвалась Настя. – Посмотри, там еще есть.

Я пролистал картинки дальше. Скалистый обрыв, волны, свинцовое небо.

– Где это на самом деле? – спросил я.

– Корнуолл. Великобритания.

– Красиво... И очень далеко.

– Тох, ну я же понимаю, что Москва не в Англии. Но ты сказал: «Такие же места по духу». Может быть, ты такое знаешь? А?

Она смотрела на меня так, будто я мог сделать чудо.

И я сказал:

– Ну, ок.

Я зажмурился – и вспомнил. Конечно, есть такие места. Где обрыв и где кричат чайки. А к обрыву приклеиваются узкие бетонные лестницы. Погода у нас в этом году под стать английской, лето нежаркое. Действительно похоже. Когда я там был? В прошлом году, в конце лета? Только найти бы это место...

Настя ждала, когда я открою глаза. Теперь она смотрела на меня с веселым ожиданием.

– Нам придется долго ехать на метро, – сообщил я. – Сейчас карточку возьму, и двинем. Свою взяла?

– Не-а. У нас забрали карты.

– Зачем?

– А чтоб не катались. Типа каникулы, никуда вам не надо. Будет надо – выдадим, а то потеряете и все такое.

– Ты что, пешком пришла? – Я немного растерялся от детдомовских порядков.

– Вот еще! – усмехнулась Настя. – У меня «Тройка» есть.
– Откуда?
– *Эта* подарила. Говорит: «Может, в гости приедешь как-нибудь».
– А ты что?
– А я ей: «Спасибо, Марина Викторовна, обязательно!» Ага, щас. Сплю и вижу, как бы только к ней в гости напроситься.
– Почему напроситься? Сама же предлагает.
– Да я ей нужна, только чтобы воспитывать. Свои дети уехали, пилить некого. Кстати. Помнишь, я тебе говорила, что у нас двух пацанов в семье взяли?
– Ну.
– Оба вернулись.
– Выходит, от них отказались?
– Не-а. Сами не захотели.
– Да ну! – не поверил я.
– Ага. Говорят: «Там надо уроки учить и посуду мыть, да еще мусор выносить и ковры пылесосить. А опекуны только ругают». Вот так-то.
Настя смотрела на меня с победным видом, как будто доказала что-то важное.
Я не знал, что ответить. Спросил:
– Ты рада, что ли?
– Рада, – резко ответила Настя. – Потому что нечего думать, что бедные сиротки только и мечтают, как попасть в семью. Не мечтаем мы. Ясно?
Я пожал плечами:
– Ясно...
Настя сразу успокоилась.
– Ладно, Тоха, не сердись.
Я и не сердился. Снова пожал плечами.
Настя добавила:
– Я просто злюсь на *этих*... Ходят к нам и думают, что мы им рады.
– Но вы же не говорите, что им не рады, – не удержался я, хотя чувствовал, что не надо спорить.
– Не говорим, – хладнокровно отозвалась Настя. – Это тебе бабушка все купит. Карту транспортную пополнит и денег на мобильник закинет. А у меня бабушки нет.
Я заткнулся.
Настя не ждала, что я как-то закончу разговор. Ей, как всегда, хватило и того, что я перестал спорить. Она легко вскочила и потянулась.
– Поехали?
И мы поехали на другой конец Москвы.

* * *

В метро Настя не болтает. Видели, как едут парни с девчонками, на весь вагон переговариваются и регочут? Настя не из таких. Она просто молча находится рядом. Не отодвигается, даже если в вагоне полно места. Но и не придвинется, не возьмет за руку. Между нами всегда будто лист поролона. Мягкий, но непроницаемый.

Я смотрел на ее отражение в окне напротив – Настя не любит, когда на нее пялятся – и пытался понять, о чем она думает. В метро у нее лицо всегда очень сосредоточенным делается, как будто она строит траекторию движения. Или высчитывает средний градус глобального потепления в связи с вырубкой лесов Амазонки.

Чем дальше от центра, тем меньше людей. Мы спокойно сидели в полупустом вагоне.

Вдруг Настя наклонилась к моему уху и спросила:

– Как думаешь, если кит со слоном подерутся, кто победит?

Я поймал себя на том, что моргаю. Со стороны это, наверное, выглядело глупо.

А Настя тихонько засмеялась и снова сказала мне прямо в ухо:

– У тебя просто вид был такой серьезный, словно ты глобальные проблемы современности решаешь. Не удержалась, извини.

Пока я искал, что ответить, мы приехали. Вышли на поверхность, и за нас сразу же принялся ветер. Холодный, резкий.

– Ого! – Настя поглубже натянула шапку. – Ничего себе здесь дует. Это потому, что мы на севере?

– Это потому, что мы на водохранилище. Тут мало домов и воздух влажный.

Я поднял капюшон ветровки. Ветер тут же сбросил его. Я надел капюшон снова и затянул шнуровку. Закрыв глаза. Сейчас надо пройти между двумя домами, там будет дорожка...

– А я так не думаю, – ввинтился мне в уши вредный Настин голос. – Москва же огромная. У нас, на юге, теплее. Ты вообще знаешь, что на юге всегда теплее? Географию изучал?

– Не всегда, – не удержался я. – В южном полушарии теплее на севере. Он ближе к экватору. А на юге – Южный полюс, самое холодное место планеты. Географию изучала?

Настя сердито фыркнула, сунула руки в карманы и отвернулась. Спина у нее стала ровная, как доска.

Ох, зря я ее срезал. Она терпеть не может проигрывать, даже в шутку. Я быстро добавил:

– Хотя ты права, тут все по-другому. Даже роза ветров. Ветер-то северный. А у нас западный с утра был.

Настина спина немного расслабилась.

– Откуда знаешь? – через плечо бросила она.

– Что западный? Так у меня виджет погодный в телефоне.

– Нет, что здесь северный.

– Водоохранилище на севере, а дует с него.

– Чёт не видать твоего водохранилища-то.

– Так пошли, увидишь.

– Пошли. Привез непонятно куда и стоишь как прибитый, – сердито пробурчала Настя. Но это уже была не настоящая сердитость, а ворчание в ее обычном стиле.

Узкая дорожка вывела нас к крутому спуску, где дуло еще сильнее. Мы сбежали по холму под защиту деревьев. Там начиналась тропинка, которая уткнулась в небольшую площадку.

Квадратные бетонные плиты топорщились, как неправильно выросшие зубы. Они то наползали друг на друга, то разбегались, и между ними давно выросла густая трава. Когда-то площадку огораживали металлические перила, но сейчас от них осталось несколько стоек и пара перекладин.

Те перила, что шли вниз, сохранились почти до самого конца. Как и бетонные ступеньки, вытертые посередине, будто по ним ходили много сотен лет.

Прямо под лестницей неприветливо блестела мокрая земля, ступеньки до воды не доходили. Настя спустилась, села на корточки на самой последней, обхватив себя за колени. Я вдруг сообразил, что ей холодно в свитере, он же продувается насквозь. Но куртку не предложил. Знал, что не возьмет.

Было тихо, только плескали волны и выл ветер. Неожиданно где-то вверху громко вскрикнула чайка. Я вздрогнул. А Настя вдруг уцепилась за ржавый столбик перил и потянулась вперед. Переступила – и потянулась сильнее. Еще чуть-чуть – и коснулась бы воды. Но тут ее нога поехала по гладкому камню, пальцы разжались – и Настя полетела в жидкую грязь.

Вернее, полетела бы три месяца назад, когда мы только начинали наши путешествия. А теперь я никогда не расслабляюсь. Я поймал ее за шиворот и дернул к себе. Мы грохнулись на ступеньку. Я на камень, Настя на меня.

Впрочем, Настя тут же вскочила. Развернулась, смерила взглядом, видимо решая – ругаться или благодарить? Я, стараясь не кряхтеть как старый дед, осторожно подтянул ноги и поднялся, проверяя, все ли работает. Треснулся я крепко, но вроде цел.

– Ты чего акробатничаешь? – задал я, в общем-то, бессмысленный вопрос. Настя делает это всегда, и каждый раз внезапно.

– Я хотела воду потрогать, – невинным тоном отозвалась она.

– Не надо ее трогать. Тут пару лет назад вся рыба внезапно передохла. И вообще говорят, что сюда то и дело сливают всякие отходы.

– Ладно... Посидим еще?

Я кивнул: то место, которым я приложился о камень, еще сильно болело. Не хотелось ковылять и стонать, особенно при Насте.

Мы поторчали на ветру еще минут пятнадцать. Я – облокотившись на перила, Настя – на корточках. К воде она больше не лезла. Я смотрел на волны, щурился от ветра и представлял, что у меня за спиной поднимаются черные скалы, а вместо линии домов на другом берегу – бескрайний простор открытого моря.

А потом мы пошли к метро, и я долго не мог найти дорогу назад. Настя меня даже не подкалывала – у нас так часто бывает. Место, похожее на рисунок или фотографию, я нахожу быстро. А вот на обратном пути мы почему-то часто плутаем. Вот и сейчас мы вышли к другому метро. Я ждал, что Настя отпустит все-таки какую-то шуточку. Но она вдруг коснулась губами пальцев – той руки, которую успела-таки макнуть в воду. На ее лице вдруг появилась незнакомая удивленная улыбка.

– Соленая...

– Что? – не понял я.

– Вода соленая, говорю, – повторила Настя.

* * *

В метро Настя снова нарушила молчание первой. Она так забавно разговаривает – не придвигается, а тянется к уху, как будто перевешивается через невидимый забор. И говорит так, чтобы слышал только я.

– Как думаешь, почему вода оказалась соленая?

– Там какая угодно вода может быть. Хоть кислая, хоть сладкая, хоть горькая. Смотря какой завод свои отходы в водохранилище спустил.

Я старался говорить тихо, как Настя, но у меня не получалось. Ну и кроме того, я стеснялся тянуться к ее уху. У меня-то нет невидимого забора. Вдруг я придвинусь слишком близко. Совершенно невозможно предсказать, как Настя на это отреагирует.

– А ты давно так умеешь?

– Как?

– Места всякие находить?

– Нет. Это меня... научили. Прошлым летом.

Я успел проглотить «папа научил». Иногда мне кажется, что Настя дружит со мной только потому, что я живу не с родителями. Бабушка, конечно, не детдом, но все равно не надо слушать каждые пять минут «папа то, мама сё».

Настя замолчала, а у меня перед глазами замелькали картинки.

Папа в тот раз был очень веселый, хоть и приехал один, без мамы. Сказал бабушке что-то про работу. Как будто за последние три года у них хоть раз была другая причина! И сразу

переключился на меня. Я приготовился привычно отчитаться по оценкам, прочитанным книгам и тренировкам, но он ничего не спросил. Велел одеваться и два дня таскал меня по каким-то странным местам.

– Ты знаешь, есть такая киностудия – «Мосфильм»? Знаешь, сколько на ней фильмов сняли? Тысячи! И сказок, где всякие замки, и исторических фильмов про разные эпохи. И где, как ты думаешь, снимали? В Москве! А знаешь, почему?

Я в его рассказ только успевал вставлять «ага» и «не-а» в разных местах. А папа вдохновенно рассказывал:

– Потому что в Москве есть всё! И такие улочки, как в средневековых городах. И просторы. И даже море можно снять, если хорошо поискать! А в Подмосковье – вообще чудо! Одни старинные усадьбы чего стоят! А парки там какие!

Эти два дня мне запомнились как калейдоскоп очень необычных мест – иногда казалось, что мы в Германии или Испании, и пару раз даже слышалась иностранная речь. А потом на каком-нибудь озере, куда мы добрались сложным маршрутом «метро – электричка – автобус», вдруг тянуло настоящим морским воздухом. Один раз папа привез меня на карьер, а там открылась панорама, как в горах. И все это не дальше часа езды от Москвы!

Я, конечно, никаких маршрутов не запомнил.

Уезжая, папа сказал:

– Специально тебе не оставляю адресов. Интернет у тебя есть, парень ты головастый. Рассматривай картинки, ищи похожие места. Начни с окрестных районов, в них много интересного.

И я начал. Оказалось, что прямо рядом с моим домом огромное количество запутанных улочек. Я так их и не выучил: мне казалось, я уже запомнил, что где, но знакомый двор выводил меня в совершенно неожиданное место. Мы так с Настей и подружились: я провожал ее в детдом и заблудился. А ей это почему-то понравилось...

Папа больше никогда не возил меня в подобные места. Когда они приехали через месяц с мамой, я подловил его в коридоре и спросил, пойдём ли мы гулять. Он посмотрел на меня странно, будто не понял вопроса. Я негромко уточнил:

– Ну, во всякие странные места, как прошлый раз...

Я почему-то чувствовал, что при маме это не надо спрашивать.

Мама услышала.

– Какие это места? – громко спросила она с кухни. – У нас изменились планы?

– Нет, – спокойно отозвался папа. – Это Антон что-то придумывает. Лучше бы в сочинениях так фантазировал. Что у тебя по литературе? Ты вообще читаешь нормальные книги или только треш свой подростковый?

Я немного растерялся – похоже, он правда не понимает, о каком «прошлом разе» я говорю. Отец смотрел привычно сурово, и я не решился уточнять. Молча принес читательский дневник. Обычно папа спрашивает, а я или названий не помню, или автора. Вот он и думает, что я не развиваюсь, а тупею. Мне бабушка так сказала. И дневник посоветовала вести.

Еще папа хотел, чтобы я занимался спортом. Часто говорил:

– Парень должен выглядеть как парень, а не как тюфяк.

Тут мне его порадовать нечем. Неспортивный я человек. Не сказать, что толстый, но и не атлет. В спортивных секциях мне неинтересно. Бабушка мне уже и теннисную секцию находила, и спортивного ориентирования, и даже какую-то борьбу, то ли японскую, то ли китайскую. И нигде я не нашел себя. А борьба и вовсе не мое.

На спортивном ориентировании смешно получилось. Я там заблудился. Тренер спрашивает: «Почему так долго?» А я ему: «Ручей, не знал, как перейти». Он: «На трассе нет ручья, это короткий маршрут для начинающих!» А я ему: «Ага, а кеды и штаны у меня мокрые, потому что я вспотел...» Ну и выперли меня. А во всех других местах терпели. Но я сам быстро уходил. Я-то вижу, что не получается ничего.

Когда я стал искать всякие места, то начал больше гулять. А когда с Настей подружился, мы вообще надолго в поездки отправлялись, а там почти весь день на ногах. Папа приехал, посмотрел на меня, допросил про книги и уроки, а тюфяком не назвал. А потом мультитул подарил со всякими инструментами...

– Выходим, – сказала Настя мне в ухо.

Точно. Чуть не проехали нужную станцию.

В нашем районе действительно было теплее. Мы, не стовариваясь, прошли на любимое место. Недавно я нашел за соседним домом небольшой овраг, в котором росли странные деревья – то ли пихты, то ли туи, я не разбираюсь. В зарослях удачно спряталась скамейка. У нас таких мало осталось – белое бетонное основание и деревянные рейки, создающие плавный изгиб сиденья и спинки. Рейки старые, отполированные множеством отдыхавших на них людей. А основание недавно покрашено. Ухоженная скамейка, хоть и древняя. Папа говорил, раньше такие стояли везде.

В этом месте никогда нет ветра и почему-то очень тепло. Настя считает, что где-то в земле проходит теплотрасса. Пахнет там не по-здешнему и всегда тихо. Мы тут часто сидим, когда Настя ко мне домой идти не хочет. А не хочет она после обеда, потому что у меня бабушка дома. Она в библиотеке на полставки работает.

Я достал чай и бутерброды. Не то чтобы я проголодался, но Настя одна есть не станет. Налил чаю в крышку термоса. Мы начали жевать бутерброды – не зря же я их с собой таскал. Настя снова задумалась о чем-то. А я с разговорами и не лезу, если человек общаться не хочет.

Настя вдруг негромко спросила:

– А ты, когда путешествуешь один, что-нибудь фотографируешь?

– Редко.

– Почему?

Я замялся, не сразу сообразив, как построить фразу без «папа сказал». Ответил:

– Есть такая идея, что собирать надо не фотографии, а впечатления. И что, если ты фотографируешь, ты о фотографии думаешь, а не находишься в моменте. И упускаешь его.

Да, так мне папа и сказал, когда я попросил его сфотографировать меня на обрыве, похожем на горы. Я тогда с ним не согласился. Это три секунды, что тут думать. Сфоткал – и находишься в моменте дальше. И даже сделал все-таки селфи в этом карьере, когда папа отошел. Но потом как будто виноватым себя чувствовал, и фотографировать расхотелось. Поэтому снимал я редко, только если что-то интересное было. Или закат красивый. Закаты в разных местах совершенно потрясающие.

Настя отложила недоеденный бутерброд, отряхнула руки и попросила:

– Дай посмотреть.

Я дал ей свой телефон. Настя перешла в галерею и начала смотреть ее не с новых фотографий, а с самого начала. Нашла то самое селфи, улыбнулась:

– Смешная фотка. Пришлешь мне?

– Ага.

Настя увеличила снимок и вдруг чуть нахмурилась:

– А это где?

– Не знаю, где-то под Москвой.

– Очень на горы похоже, – пробормотала Настя.

– Да, я тоже удивился. Мы минут сорок на электричке ехали. А потом на автобусе и пешком.

На следующем снимке красовался закат. Широкая улица упиралась в пустырь, над ним горело небо всеми оттенками красного, синего и фиолетового. Справа стояла обычная девятиэтажка.

Настя долго разглядывала снимок, потом спросила:

– Где это?

– Не помню. Где-то недалеко.

– На мой дом похоже... – вздохнула Настя.

Я только кивнул.

Настя увеличила снимок и вдруг отшатнулась от экрана. А потом резко придвинула его к глазам.

– Тоха! Это и есть мой дом!

– И чего?

– «Чего»? – Настя смотрела на меня совершенно круглыми глазами. – Ты спрашиваешь – «чего»? Мой дом в Екатеринбурге!

Сначала я подумал, что она шутит. Но нет, Настя не шутила. Лицо ее было испуганным, и в глазах не прыгали веселые искры.

У меня затряслись руки, я аккуратно поставил крышку термоса на скамейку. В чудеса я не верил. В то, что Настя сошла с ума, тоже. Как и в то, что она меня разыгрывает. Настины эмоции, конечно, то и дело меняются, но они всегда настоящие. Значит, остается одно: Настя что-то перепутала.

– Сейчас много одинаковых домов, – начал я. – Помнишь, даже в кино это показывают, «С легким паром». Там мужик перепутал дома в Питере и в Москве...

– Да что ты меня грузишь, Тоха! – возмутилась Настя. – Я что, свой дом не узнаю? Вот мои окна! Посмотри, у нас рамы покрашены голубой краской. Во всем доме такие только у нас! И балкон не застеклен, и на нем куча хлама! Вот лыжи мои старые торчат!

– Насть, ну мало ли у кого синие рамы. У нас в доме тоже такие есть, сама посмотри. А балкон с хламом – вообще не показатель. Да и фотка нерезкая, что там можно разглядеть вообще...

Настя хотела что-то ответить, но в этот момент у нее в кармане заиграла веселая мелодия. Я сказал:

– Тебе звонят.

Настя выругалась, сунула мне в руки смартфон и вытащила из-под свитера свой.

– Блин, достали... Да! – Это уже в трубку.

Динамик в смартфоне оказался громким.

– Анастасия! Где тебя носит? – возмущенно прокричал женский голос.

– Гуляю, – мрачно ответила Настя.

– Кто разрешил?! – еще громче заверещал голос.

– Вы меня сами отпустили до ужина, – напомнила Настя.

– Я тебя в больницу отпустила!

– Какая разница?

– Я тебе объясню разницу! Немедленно домой!

– У меня нет дома, – очень ровно произнесла Настя.

– Голованова!

Настя вздохнула:

– Ладно, иду...

– Пулей! Тебя директор вызывает!

– Сказала же – еду.

Не попрощавшись, Настя дала отбой и сунула телефон в карман.

– Невозможно поговорить по-человечески. Что-то темнишь ты, Тоха.

Я возмутился:

– Чего мне темнить! Я тебе правду говорю! Гулял в окрестностях, снял закат!

– Ладно-ладно, не кипятись...

Я огрызнулся:

– А ты меня не кипяти. Я тебе хоть раз соврал?

– Не знаю, – задумчиво отозвалась Настя. – На вранье я тебя не ловила, это точно...

Вот теперь я обиделся. По-настоящему.

А она вдруг толкнула меня плечом, впервые преодолев невидимый забор. Я даже обижаться перестал. Настя мягко сказала:

– Слушай, Тох, извини. Я просто очень удивилась. Не сердись.

И я оттаял. Сказал:

– Ладно.

Настя взяла крышку, налила себе еще чаю. Вздохнула:

– Надо ехать.

– Помчишься?

– Угу. Чай вот допью только. У тебя хороший чай, Тоха. Сладкий.

Она впервые похвалила то, чем я ее угощал. Обычно она просто берет что-то – или не берет. Я почувствовал, что внутри меня стало тепло. Только бы не покраснеть. Я быстро спросил:

– А что воспитательница так вопила-то? Знает же, куда ты ходишь.

– Они там бешеные сегодня все. У нас проверка идет, воспитатели психуют. Хорошо хоть малышня в лагере, можно предъявить образцово-показательный детский дом. Мы вот

только мешаем. Я думала, без проблем сегодня на весь день отпустят, а Катерина, наоборот, прицепилась. Может, им надо нас комиссии продемонстрировать, я не знаю...

– Много вас осталось?

– Четверо. Старших увезли в какой-то санаторий. А мы в пролете. Для лагеря большие, а для моря маленькие.

Честно говоря, я был рад, что Настя не уехала. Но говорить это не стал. Наверное, она предпочла бы поехать на море, а не возвращаться каждый день в детдомовскую спальню.

– Ладно, я покатила.

– Позвонить тебе вечером?

– Ага. После ужина.

Я закрутил термос и убрал в рюкзак. Поднялся вместе с Настей.

– Пройдусь с тобой до остановки.

– Главное, чтобы мы снова не заблудились! – хмыкнула Настя.

Я улыбнулся в ответ. Некоторые шутки никогда не надоедают.

Проводив Настю, я первым делом отправил ей фотку, которую она просила, и не спеша зашагал домой. Шел знакомой дорожкой и думал: почему мир так устроен? Почему нельзя жить с папой и мамой? Да, родители много раз объясняли, что у них там «нет условий» и что «много работы». Сами они живут на стройке в вагончике. Когда я был меньше, то верил, что скоро стройка закончится и родители приедут. Но одна стройка сменилась другой, потом третьей, на квартиру родители так и не заработали, и я продолжал жить с бабушкой в ее маленькой двушке. Конечно, у меня есть своя комната, компьютер и смартфон, хотя, если честно, три года назад я променял бы все это на вагончик. Сейчас я начал понимать, что, похоже, родители просто выбирают жить не со мной. И уже не уверен, что поехал бы с ними, если бы они предложили. Тем более теперь, когда появилась Настя.

За три года учебы в московской школе друзьями я не обзавелся. Меня не задевали и не игнорировали, ребята в классе, в общем-то, оказались нормальные. Может быть, потому что школа у нас «с уклоном». В обычную меня бабушка не записала, хоть она намного ближе. Сказала: «Нечего там делать. В этой школе половина детей плохо говорит по-русски». Я немного боялся, что программу «с уклоном» не потяну, но требования оказались совсем не высокие. Интересно, что же в обычной школе тогда...

Настя пришла к нам в этом учебном году, осенью. На первом уроке математичка представила ее:

– Это ваша новая одноклассница, Анастасия Голованова. Садись на любое свободное место, Настя.

Я помню, что посмотрел на нее без интереса. Девчонка как девчонка. Одетая аккуратно, но у нас по-другому и не ходят: черные брюки, серая водолазка, темно-синий пиджак. Вьющиеся темные волосы собраны в хвост, лицо в тени – на глаза падает длинная челка. Единственное яркое пятно – брезентовая сумка на длинном ремне. Сумка зеленая, а принт на ней яркий. Черные штампы, изображающие визы разных стран, а под ними синее море и полосатые маяки.

Кроме сумки, ничем особенным Настя не выделялась. На уроках отвечала нормально, сама общаться ни к кому не лезла. Но что-то в ней было не так. Через какое-то время я понял: она очень редко улыбалась. Лицо у нее чаще всего было сосредоточенным, как на контрольной. А еще от новенькой возникало такое ощущение, что она то ли драться собирается, то ли убежать. Подходить к ней не хотелось.

Так она училась у нас где-то месяц. А потом я шел по лестнице и увидел, как она стоит с двумя парнями, по виду класса из десятого. Один из них что-то негромко сказал, и оба они засмеялись. Настя сделала шаг в сторону, но парень положил ей руку на плечо и не пустил. А дальше все произошло очень быстро. Настя схватила его за руку сверху, за большой палец, и вывернула наружу. Парень выгнулся от неожиданной боли, и Настя пнула его ногой в живот,

выпустив руку. Парень шмякнулся спиной в стенку и сполз по ней. Второй угрожающе качнулся вперед – и налетел на кулак. Как она выбросила руку, я не увидел. Только голова у парня мотнулась.

Я очень испугался. Драться я не умею и не люблю. Обычно в таких ситуациях у меня внутри все замирает и я делаюсь как парализованный. В этот момент у меня тоже отказали мозги. А тело почему-то само шагнуло вперед, и я, словно со стороны, услышал свой окрик:

– Э!

Других слов у меня не нашлось.

Первый парень поднялся, держась за живот, второй потер лицо, и они отступили вниз по лестнице. А Настя отскочила назад, в коридор, и развернулась ко мне.

– Что пялишься? Кино бесплатное увидел? – Сейчас она походила на кошку, готовую вцепиться в лицо.

Я ответил первое, что пришло на ум:

– Ничего себе ты машешься... Ты из спецназа?

– Я из детдома, – резко ответила Настя. – Дальше что?

– Дальше – пойдем в класс.

Настя фыркнула, развернулась и ушла, а у меня вдруг мелко задрожали ноги. Я прислонился к подоконнику. В класс я вошел по звонку.

Все оставшиеся уроки я размышлял, что же они не поделили. В старой школе, где я учился до переезда, на драки мало обращали внимания. Там и на мат не обращали внимания, и на курение. Все-таки маленький городок, восемь школ всего. Почти деревня. А здесь Москва, школа «с уклоном» и все такое. За два года я ни разу не видел, чтоб люди дрались, даже в началке.

Я ждал, что за Настей вот-вот придут и позовут к директору. Но все было тихо.

После уроков я подошел к Насте. Она складывала учебники и тетради в сумку. Настя неприятливо посмотрела на меня из-под упавших на глаза волос.

– Не боишься, что тебя встретят после школы? – прямо спросил я.

Настя фыркнула и закинула сумку на плечо. Я понял: не боится. Ждет.

И снова мой язык произнес сам, без моего участия:

– Давай я провожу.

Настя хитро прищурилась:

– Сам-то не боишься? Навалиют тебе пацаны за компанию.

– Боюсь, – честно ответил я.

И тогда я первый раз увидел, как она улыбается. Хорошая у нее улыбка. Лицо сразу другим становится – открытым и светлым.

– Тогда пошли, – кивнула она. – Драться умеешь?

– Нет.

– Плохо.

– Ага.

Мы спустились по лестнице. Я набрался решимости и сказал:

– Меня Антон зовут.

– Я знаю.

– Откуда? – удивился я.

– Не такой уж большой у вас класс, – снисходительно отозвалась Настя. – Я всех за неделю запомнила.

Я только хмыкнул. Сам я, когда перешел в эту школу, имена одноклассников выучил только к Новому году. Особенно девчонок.

Мы вышли на крыльцо школы, нас никто не ждал. Я выдохнул и расслабился. Настя неторопливо зашагала через двор.

– Пройдемся? Погода хорошая. Здесь пять остановок.

Я кивнул. Честно говоря, я опасался засады по дороге к остановке. У школы-то камеры.

Настя коротко засмеялась:

– Да не сокращайся ты, никто нас не ждет.

– Почему?

– Потому что крысёныши они. Да и собирать тусу девчонку бить как-то запахло.

Я не понял:

– А зачем ты тогда сказала, что они мне наваляют?

Настя хмыкнула:

– Прикольно было смотреть, как ты боишься.

Я аж воздухом подавился. Развлекалась, значит!

А Настя вдруг серьезно добавила:

– Боишься, но все равно идешь. Это круто, Тоха.

Мое возмущение сразу погасло. Приятно, что такая девчонка меня оценила. И что назвала меня так, как никто раньше не звал. Чтобы не показать смущения, я быстро сказал:

– Странно, что эти придурки не пожаловались.

– Да не! – усмехнулась Настя. – Они ведь сами виноваты. И один из них меня первый схватил, ты же видел. Ты вмешался – значит, за меня. Значит, это скажешь. Расклад простой...

– А что они хотели-то?

Настя помрачнела:

– Что и всегда.

– В смысле?

– А, ты не знаешь. Ты парень. Девчонкам всегда одно и то же предлагают. Особенно когда узнают, что мы из детдома. Эти придурки думают, что мы за деньги на что угодно согласны.

До меня, кажется, дошло. Я сперва не поверил, потом передернулся от отвращения.

– Вот уроды!

– Брось, обычные парни. Здесь это реже, чем в других школах. Я раньше жила в одном интернате – вот там был трэш...

– Дерешься ты здорово.

– Да уж, с этим повезло...

Я вдруг сообразил:

– Слушай, ваших же автобусом в школу возят. А ты что, на нем не ездил?

– Сначала ездила. Потом перестала.

– Что так?

– Не люблю.

– И тебе разрешают?

– Куда им деваться...

Так мы болтали, шли, и я думал, что ведет Настя. Я же не знал, где ее детдом. А Настя думала, что веду я, потому как местный. В результате мы зашли в странное место. Похоже на дачи в частном секторе (но откуда дачи в Москве, в часе ходьбы от метро?). Небольшие домики, окруженные колючими сухими кустами, грунтовая дорога, пробитая колесами в сухой глине. Дорога уперлась в зеленые ворота ржавого металлического гаража. Тупик.

– Где мы? – удивилась Настя.

– Понятия не имею.

Вокруг стремительно темнело. Я предложил:

– Пойдем назад. Куда-нибудь да придем.

Я вспомнил, как папа говорил: «Если ты заблудился в Москве, каждый раз сворачивай на дорогу, которая шире предыдущей. Самая широкая приведет к метро».

Так я и сделал. В результате мы действительно пришли к метро – в двух станциях от нашей школы.

– Ничего себе! – весело удивилась Настя. – Да ты клад, Тоха! Сусанин нервно курит в углу!

Я пожал плечами:

– Это называется «топографический кретинизм». Зато я могу всякие интересные места находить.

– Покажешь?

Я кивнул.

Так мы начали наши прогулки. Осень быстро закончилась, а зимой мы почти не гуляли. Весной начали снова – и открывали в нашем районе всё новые и новые закоулки.

Я узнал, где живет Настя. Она побывала у меня дома и даже познакомилась с бабушкой. Бабушке она, кажется, понравилась. Уже весной я узнал, что бабушка ездила в детдом и разговаривала там с кем-то. То ли с воспитателем, то ли с завучем каким-то, я не запомнил. От бабушки я узнал, что мама у Насти умерла, когда ей было семь. Папа запил, да так, что через два года специальная комиссия лишила его родительских прав. А Настю забрали в детдом. Потом ее зачем-то два раза переводили, и в документах указано: «Рекомендуется школа с математическим уклоном, есть способности». Так она попала к нам.

Я немного рассердился на бабушку, что она ходила все это выспрашивать. Но и обрадовался: сам я никаких вопросов на эту тему не задавал. Настя иногда говорила что-то про те места, где раньше жила, но скупно и неохотно. Я даже о том, что она из Екатеринбурга, только сегодня узнал. Или я невнимательный? Надо посмотреть, что у нее о себе «ВКонтакте» указано. Раньше мы через соцсети редко списывались. Наконец-то будем общаться по-человечески. Написать в мессенджер можно и на уроке, и на обеде, и ночью. Куда удобнее, чем примитивный кнопочный телефон. Все-таки молодец ее кураторша, хоть Настя ее и не любит...

Дома вкусно пахло котлетами.

– Ба, я дома! – крикнул я от двери.

– Подойди! – крикнула бабушка в ответ.

Я заглянул на кухню. Бабушка стояла у плиты и двумя деревянными лопаточками переворачивала котлеты. Лицо у нее при этом было такое сосредоточенное, что я подождал, пока она закончит, и только потом спросил:

– Чего?

Бабушка оглянулась.

– На гарнир что сделать? Макароны? Картошку? Гречку?

– Картошку.

– Не надоело?

– Не-а.

– Потолочь, как вчера?

– Ага. Хочешь, почищу?

– Давай.

Бабушка посторонилась, и я встал к мойке. Почистить картошку нетрудно. Если нужно, я и котлеты могу пожарить и даже суп сварить. Это бабушка меня всему научила. Говорит, домоводство в школе только у девочек, а это безобразие. Потом парни становятся студентами и едят всякие «дошираки», потому что готовить умеют только яичницу и пельмени. Зато уроки она у меня вообще не проверяет. И оценки. С оценками ко мне папа пристаёт.

– Антоша, надень фартук.

– Да зачем, ба? Я же не готовлю.

– Антон. Надень. Фартук.

Я вздохнул и снял с крючка черный фартук с большим улыбающимся котом. Бабушка мне специально купила. Сама она готовит в старом, вылинявшем фартуке с оборками. Я этот фартук с младенчества знаю, он бабушке по наследству достался от ее мамы. Новый бабушка почему-то не хочет...

– Каждую работу нужно делать в спецодежде, – мягко произнесла бабушка. – Нетрудно же надеть фартук. Зато твоя футболка не будет грязная или мокрая.

– Ну надел же... – буркнул я.

– Молодец. Завтра гулять пойдете – возьми котлет с собой. Колбасу Настя и в детдоме поест. Котлета все-таки домашняя.

– Ба, а тебе чем Настя нравится? – неожиданно для себя бухнул я.

Бабушка хмыкнула:

– Она на тебя хорошо влияет.

– Папа тоже так думает. Сказал, мне прогулки пошли на пользу.

– Да разве в прогулках дело! Ты раньше сколько книжек читал? В библиотеке у нас не появлялся. Тебя даже сотрудники в лицо не знали. А сейчас стопками носишь, себе да ей.

– А ты откуда знаешь, что ей? – удивился я.

– Так видно же, что книжек дома нет. А потом они снова появляются. Значит, кому-то даешь. Кому? Тому, кто читает. Кто здесь читает? Тот, кто выглядит как читающий ребенок. «Элементарно, Ватсон».

– Ты Настю один раз видела. И сразу поняла, что она «читающий ребенок»? – не поверил я.

– Одного раза достаточно. Ты слышал, как она разговаривает? Никаких слов-паразитов, никаких этих ваших новомодных словечек. Мат она тоже вряд ли употребляет, так ведь?

Я кивнул. Настя может выругаться очень затейливо, но делает это редко – только когда правда достали или что-то случилось.

А бабушка добавила:

– Сразу видно, что девочка-то была из хорошей семьи. Даже детдом ее не испортил.

Я подавил смешок:

– Ага, из хорошей. Папа-то у нее квасил как ненормальный, сама говорила.

Бабушка села на край мягкого уголка, подняла очки на лоб и вздохнула:

– Трудно любимого человека терять, ты этого пока, слава богу, не знаешь. В такие моменты люди ничего хорошего от жизни не ждут. Им кажется, что тьма наступила навсегда. И даже дочка-умница не свет в окошке, а обуза. Многие утешение в стакане ищут. Сначала им кажется: я только сегодня, пока болит. А болит каждый день...

Я подумал и осторожно спросил:

– Но ты ведь не начала пить, когда дедушка умер?

Бабушка кивнула:

– Это потому, что я не осталась одна. Забот хватало. Ты только родился, мама твоя институт заканчивала. Ей учиться надо, а у нее малыш. Пришлось работу бросить и с тобой сидеть. Когда тут выпивать?

– Ну а потом? Когда мы уехали?

– Потом я снова в институт вернулась. А там вечная круговерть: молодежь, лекции, конференции, проекты... Когда ты нужен людям, у тебя появляются силы справляться с тем, что болит. Без выпивки.

Я помыл картошку, сложил в кастрюлю. Сел рядом с бабушкой.

– Ба... А ты не жалеешь, что из института ушла, когда тебе меня подбросили?

Бабушка опустила очки на нос и посмотрела на меня в упор. Наверно, раньше она так на своих студентов смотрела, когда те отвечали не по билету.

– Скажешь тоже – «подбросили»... Я сама предложила. Папа у тебя кочевник по духу. Не может на одном месте долго. А дело жены – с мужем жить. Иначе не будет семьи. Вот я и предложила забрать тебя сюда. Все-таки столица, не этот ваш Васильевск, где даже библиотеки нет...

– Есть там библиотека! – заспорил я. – Даже две.

– А книжки в ней какие? – не сдалась бабушка. – Какого века?

Это правда. Новых книг в тех библиотеках было мало. Впрочем, я и не особо их читал тогда – школьную программу брал, и ладно.

Бабушка встала, поставила кастрюлю с картошкой на плиту и добавила:

– Да и сложно вам было в однокомнатной-то квартире. Человеку нужен свой угол.

Мне внутри стало тепло-тепло от благодарности. Здесь, в московской квартире, у меня появилась своя комната. Я мог разбрасывать одежду, не застилать кровать, раскладывать на столе тетради или недоделанный рисунок – и так до субботы. В субботу мы делали генеральную уборку. Я у себя, бабушка у себя, остальное вместе. Первое время я немного ошалел от такой свободы. С родителями такое невыносимо. Там все пространство – общее, и поэтому любой учебник должен сразу убираться на полку. А ели мы вообще только на кухне. При этом уборку делала мама, я никогда не брал в руки ни тряпку, ни пылесос. Только посуду мыл и мусор выбрасывал и почему-то все время обижался, что меня эксплуатируют...

Бабушка не возражала против того, чтобы я ел у себя, когда смотрел кино с компа. Она только требовала, чтобы я сразу уносил грязную посуду на кухню. Здесь у меня сразу возникло ощущение, что я убираю свой дом, потому что в нем живу. С родителями у меня такого чувства не было. Папа приходил с работы всегда недовольный и цеплялся к любому моему движению. «Антон, не пой. Антон, не прыгай. Антон, не вертись. Антон, хватит сидеть в телефоне, займись делом». Наверное, бабушка права – работа на одном месте ему не нравилась. Со стройки он приезжает более веселым...

Я пошел к себе, включил комп. Стал смотреть, что написано у Насти «ВКонтакте». Практически ничего: имя, фамилия. Фотка на фоне какой-то зелени – новая, уже в этой смешной шапке. Разделы «О себе» не заполнены. Ни города, ни школы. Профиль закрыт настройками приватности.

Тут в голове у меня что-то щелкнуло, и я решил Настю загуглить. Почему я никогда не искал информацию о ней? Я нелюбопытный? Или просто тупой? Соединив в запрос Настину фамилию, город и год рождения, я довольно быстро увидел ссылку: «Наши чемпионы. Анастасия Голованова, восемь лет...» И фотография: маленькая темноволосая девочка в белом кимоно с синим поясом, медалью на шее и дипломом в руках. Я хотел прочесть статью, щелкнул по ссылке – открылся новостной портал города Екатеринбурга, а в нем окошко: «Содержание не найдено». Жаль. Интересно, какой борьбой Настя занималась. Я так и не спросил после той драки.

Бабушка крикнула с кухни:

– Антоша! Иди ужинать!

Вряд ли бабушка стремилась так подгадать, но у нас ужин всегда получался в то же время, что и в детдоме у Насти. Поэтому фраза «позвони после ужина» не требовала уточнений, чей ужин имелся в виду.

Бабушка аккуратно накрывала на стол. Солнце отражалось в золотистых ободках тарелок. Я порезал хлеб и оставил горкой на доске. Бабушка укоризненно сказала:

– Антоша... – и переложила хлеб в фигурное блюдо.

Раньше я фыркал, а сейчас не стал. Привык уже. Сама бабушка ест котлеты ножом и вилкой. Мне она тоже всегда подает нож, а вилка оказывается слева. Я взял вилку правой рукой, отломил ею кусок котлеты и спросил:

– Ба, как ты думаешь, детдомовские дети хотят в семью?

– Кто как. Настя, наверное, уже не хочет.

– Почему?

– Это лучше у нее спросить.

Я поёрзал.

– Она не говорит. Только злится на свою кураторшу...

И тут до меня дошло. Я даже жевать перестал.

– погоди! Ты сказала: «Уже не хочет»? Значит, хотела? Она мне сегодня рассказывала, что у них пацаны из семьи сами вернулись. Потому что в детдоме им больше нравится. Ее уже брали в семью, да?

Бабушка вздохнула:

– Не надо бы это тебе рассказывать. Но раз ты сам догадался...

– Выходит, она не сама вернулась! – перебил я. – Если бы сама, она бы сказала: «И я тоже вернулась, потому что опекуны достали!» А она промолчала! Ее вернули, да?

Бабушка поставила локти на чисто вымытую клеенку. Посмотрела на меня внимательно и твердо.

– Антон. Надеюсь, ты понимаешь, что если человек не хочет о чем-то говорить, то не надо его расспрашивать?

– Но я же не ее! Я тебя спрашиваю. Ты ведь знаешь. Это тебе тогда рассказали, когда ты в детдом ходила?

– Да.

Я положил вилку на стол. Вот, значит, в чем дело. Конечно, когда тебе пообещают дом, а потом сдадут обратно, как ненужную вещь, начнешь ненавидеть *этих*.

– Ба, а как так вышло? Почему так люди делают?

– Всякое бывает, Антоша. Мне ведь тоже не всё рассказали. Вроде как взяла ее семейная пара. Бездетная. А через какое-то время вернула.

Я сжал кулаки:

– Вот уроды!

Бабушка не сказала: «Нельзя так говорить о незнакомых людях». Только вздохнула.

– Потом приходили, навещали как ни в чем не бывало. У Насти нервный срыв случился.

– Они вообще нормальные?

Бабушка покачала головой:

– Люди часто не понимают, что делают, Антоша. А тут еще ребята стали Настю дразнить, что ее вернули. Большой конфликт у них получился. Вот ей и организовали перевод от греха подальше.

– К нам?

– Да. В Москву.

Я вздохнул и снова начал есть. Но успокоиться не мог:

– Ба, ну должен же быть какой-то вселенский закон. Говорят же: «Бог накажет» или что-то такое. Почему людей, которые *такое* делают, не убивает на месте молния, не поражают болезни?

– Мир несправедлив, Антоша. Справедливыми люди бывают, а не силы природы.

– Но можно же что-то сделать с этим?

– Можно. Поступай сам по совести – глядишь, и мир лучше станет.

Да уж, я бы сейчас поступил по совести! Дали бы мне этих опекунов, я бы табуретку об них сломал, хоть и не люблю драться. Как можно рассуждать про «всякое бывает»? Не должно такое «бывать», неправильно это!

Так, пыхтя, я закончил ужинать. И даже не сразу решил звонить Насте, чтобы не проболтаться. Слегка остыв, взял телефон, вызвал ее.

«Абонент временно недоступен».

Странно.

Настя и раньше бывала не в Сети: то не уследит за батареей, то уронит мобильник, и тот выключится. Но сейчас мне вдруг стало не по себе. Я позависал в Инете минут пятнадцать – просто так, чтобы убить время. Набрал Настю снова – с тем же успехом.

Я походил по комнате туда-сюда. Еще раз перезвонил – снова безрезультатно.

Обычно в таких случаях я звонил утром, и все было нормально. Или сама Настя перезванивала уже после отбоя. Но сегодня во мне плескалось тяжелое, плотное беспокойство. Я заглянул к бабушке в комнату. Она сидела под торшером с пухлой книгой на коленях.

– Ба... Я Насте звоню, а она не берет трубку... Сгоняю в детдом?

Бабушка посмотрела на меня долгим взглядом. Хотела сказать что-то – и не стала. Кивнула.

Я стремительно оделся и выскочил на улицу. Беспокойство переросло в тревогу, как будто должно произойти что-то страшное, такое, что поменяет всю жизнь, – и не только мою. Запрыгнув в троллейбус, мысленно подгонял его: «Скорее! Скорее!»

От остановки до детдома я почти бежал.

Говорят, раньше в этом здании был детский сад. Обогнув старую котельную, я увидел его – трехэтажный, уютный, заросший густой зеленью и огороженный высоким забором. Было еще светло, солнце только начало клониться к закату. В здании не горело ни одно окно.

Я подошел к калитке. За ней в небольшой будке виднелся силуэт человека.

– Здравствуйте! – громко сказал я, подойдя поближе. – Можно мне пройти?

– Куда это? – неласково отозвался охранник и вышел мне навстречу.

Внутри будки он походил на вырезанную из картона фигуру. Шагнул на свет – и нарисовался в объеме и цвете. Высокий лысоватый дядька в серой форме. Он лениво расставил ноги и закрыл собой калитку. Как будто я силой проламываться буду!

Охранник угрюмо смотрел на меня. Сложил на груди руки с закатанными по локоть рукавами. Такие руки как будто специально сделаны, чтобы хватать за шиворот. Форменные брюки заправлены в тяжелые ботинки. Как даст таким ботинком пинка...

Я поежился – и почувствовал, что начал злиться. Тоже мне спецназовец! Секретный объект охраняет от вторжения инопланетян. Что, нельзя пройти к знакомому?

Я вдохнул и решительно сказал:

– В детдом. У меня там друг.

– Нету никого, – неохотно ответил охранник и отвернулся, явно намереваясь вернуться в свою будку.

– Погодите! Почему нет?

– Уехали все, – через плечо буркнул охранник. – Лето. Каникулы.

– Не все! Четыре человека остались!

Охранник обернулся и посмотрел на меня внимательно и цепко. Усмехнулся:

– Русским языком говорю тебе, пацан: уехали все. Сегодня после ужина.

– А... когда вернутся?

– Мне не доложили.

Охранник отошел. Я немного постоял и медленно пошел по дорожке вдоль забора. Пусть меня не пускают внутрь, но вокруг-то не запретная территория.

Обход ничего не дал. Детский дом выглядел нежилым. Я сел на скамейку в соседнем дворе и подождал. Вечерело, в соседних домах загорались окна. В детском доме загорелось только одно окно – на первом этаже. Кажется, не соврал охранник.

Но что же это все значит?

Чувство тревоги не утиhalo. Наоборот, оно оформилось в конкретные вопросы. Почему Настя не позвонила? Почему ничего не написала «ВКонтакте» или в какой-нибудь мессенджер? Пусть их внезапно увезли куда-то, но могла она мне сказать, куда?

Я достал телефон, проверил. Нет, сообщений не было.

Сидеть у детдома не имело смысла, я поехал домой. По дороге сообразил: у бабушки наверняка есть какие-то телефоны. С кем-то же она разговаривала в детдоме. С воспитателями какими-нибудь. Можно попросить ее позвонить и все узнать.

Я заторопился домой. От остановки привычно срезал угол через арку в жилом комплексе. Двор опустел: видимо, мамы с колясками ушли спать, а компания на площадке еще не собралась. Только у крайнего подъезда, там, где начиналась тропинка через газон, сидел какой-то мужик. Он повернул голову – и я сбился с шага. Папа? Приехал?

Мужчина встал и посмотрел на меня. Я понял, что обознался. В нем было что-то очень знакомое, похожее на отца и одновременно на кого-то еще. То беспокойство, что одолевало весь вечер, превратилось в смесь страха и предвкушения. Я не мог отвести глаз от незнакомца. Что в нем такого? Синяя рубашка, черные джинсы, кроссовки. Темно-русые волосы, круглое и очень знакомое лицо. Кто это? Почему он так смотрит на меня?

А мужчина сказал:

– Привет. Узнаешь? Я – это ты. Только из будущего.

Настя

Троллейбус был почти пустым, и Настя села у окна. В кармане звякнул мобильник. Настя достала телефон и открыла сообщение «ВКонтакте». Тоха молодец, сразу прислал фотку.

Хорошая фотография. За год Тоха почти не изменился. Даже прическу не поменял. Ветер растрепал светлые волосы, сдул их со лба. Серые глаза распахнуты в радостном удивлении. Пухлые губы растянулись в улыбке, на щеке ямочка. Интересно, Тоха знает, что он симпатичный? Или мальчишки не думают об этом? Они в зеркало смотрятся вообще?

Эту фотку Настя хотела поставить на Тохин звонок. Разбираясь, как это делается, она чуть не проехала свою остановку. Спихватилась и выскочила в последний момент. Троллейбус хлопнул дверьми, словно обругал растяпой, и уехал, недовольно подвывая. Настя мысленно показала ему язык.

Телефон в руке запиликал. Настя приняла звонок и услышала в трубке усталый голос:

– Анастасия, где ты?

В голосе воспитательницы не звучало командного тона. Настя, уже готовая огрызнуться, выдохнула и миролюбиво ответила:

– Щас буду, Екатерина Васильевна. Приехала уже.

– Давай скорее, тебя одну ждут.

– Зачем?

– Поторопись, узнаешь... До встречи.

Настя хотела переспросить, что случилось, но воспитательница закончила разговор.

Хорошее настроение пропало. Верить в приятные сюрпризы Настя давно разучилась. Может быть, пришла комиссия и хочет проверить самих воспитанников? Да нет, Катерина предупредила бы. Но что тогда?

Ворота в детский дом были открыты, на стоянке под окном кабинета директора стоял незнакомый черный микроавтобус. Так-так-так... Похоже, кто-то действительно приехал. У всех нормальных комиссий рабочий день уже заканчивается. Кто это?

Настя глубоко задышала и заставила себя успокоиться. Лично к ней сюда никто не придет. Никто из тех, кого она не хотела бы видеть. Никто.

Внешне спокойно она прошла в калитку рядом с воротами. Охранник смотрел какое-то видео на своем телефоне. Глянул на Настю и снова уткнулся в экран.

– Дядь Лёш! – окликнула его Настя. – Кто приехал-то?

– Какие-то спонсоры, – отозвался охранник, не поднимая головы. – Не вникал.

Спонсоры – это нестрашно. Можно расслабиться.

Настя поднялась на крыльцо, заскочила в вестибюль – и наткнулась на воспитательницу.

– Давай к директору, живо. – Екатерина Васильевна, среди детдомовцев просто Катерина, махнула рукой в сторону узкого коридора.

Настя кивнула и повернула налево. Визита к директору она не боялась: обычно он звал поговорить, а не отругать.

Говорят, у старого директора кабинет был на втором этаже, большой и шикарный. Новый сделал там кинозал. Поставил диванчики, огромную, подаренную спонсорами «плазму» и распорядился, чтобы три раза в неделю показывали кино – один раз для старших и два раза для младших. Можно и свое кино посмотреть, с флешки, только вместе с воспитателем. И не ужастик. Ужастики директор запретил.

Себе директор оборудовал бывшую подсобку в тупике узкого коридора. Он вообще был странный, этот директор.

Его назначили прошлым летом. Настя не знала старую директрису, Марью. Ее так звали между собой и ребята, и воспитатели – без отчества. Но не потому, что несерьезно к ней относились. Наоборот. Ее боялись. Воспитатели часто вздыхали, что новые порядки слишком вольные и что «при Марье такого не было». Пожилая директриса не хотела уходить на пенсию, ее «ушли» только после того, как она практически полностью потеряла слух. Глухота не мешала начальнице знать все про подчиненных и держать воспитателей в строгости. Они ничего не могли разрешить «на свой вкус» – выполняли только то, что велела Марья. Никаких послаблений в режиме, ни для кого. Настя очередной раз порадовалась, что не застала эти порядки.

Нового директора не назвать молодым, но и до пенсии ему далеко. Невысокий, коренастый, коротко стриженный, он напоминал полковника из американских фильмов. И вопросы решал так же – четко и по-деловому. Когда Настя заявила, что не поедет на детдомовском автобусе в школу, директор подумал немного, постукивая карандашом по столу, и сказал:

– Значит, так, Голованова. Назначаю тебе испытательный срок. Неделю ездишь сама. На занятия не опаздываешь, после уроков сразу возвращаешься и отмечаешься у Екатерины Васильевны. Справишься – пожалуйста, катайся троллейбусом, если тебе так приспичило.

Он даже не спросил, что ее в автобусе не устраивает. Насте это понравилось.

Так же решился вопрос с прогулками. Каждый раз назначали время, к которому Настя должна возвращаться, и, пока она не опаздывала, вопросов не возникало. Настя знала, что Катерина звонила Тохиной бабушке, и относилась к этому спокойно. Должны же воспитатели проверить, не к маньяку ли Настя зачастила. Однажды она даже видела бабушку Антона в детдоме, но не забеспокоилась по этому поводу. Взрослым надо все разузнать, они без этого не могут. Стыдиться Насте было нечего. Она не воровала, не сбегала из интернатов (хотя иногда очень хотелось, но куда?) и даже почти не дралась. Поэтому она спокойно выполняла свою часть договора и делала вид, что о переговорах между взрослыми ей неизвестно...

Не только Настя выходила «за территорию». Такой же договор директор заключил и с другими ребятами. Но там все быстро закончилось. Фёдор, парень из Настиной группы, получил разрешение ходить к однокласснику, они там программированием занимались. Однажды он опоздал – и засел в детдоме на месяц. Вышел – сразу же опоздал снова и еще месяц «без увольнительных» получил. А Маринка – она училась в девятом – отпросилась на день рождения к однокласснице. Ее отпустили до отбоя. Она пришла около полуночи и пыталась спрятаться, забившись в туалет. Но дежурная воспитательница все равно унюхала запах спиртного и, конечно, донесла директору. Больше Маринку в вечерние гости не отпускали.

Настя смотрела, как ребята один за другим прокалывались и теряли право на ослабление режима. И удивлялась человеческой глупости. В детдоме было четыре группы, которые здесь назывались «семьи», в каждой по пятнадцать человек. Право на выход в город до ужина получали те, кому исполнилось четырнадцать. Правда, для долгого отсутствия должна быть причина: гости, больница, кино, кружок или еще что-то осмысленное. Шатание «просто так» директор не приветствовал. Сложнее всего было с друзьями: без повода на целый день могли не отпустить, все зависело от настроения воспитателя. Настя старалась отношения с воспитателями не портить, и ее часто отпускали «так». Сегодня Катерина прицепилась, и пришлось придумать больницу...

Через несколько месяцев право на свободу осталось у Насти и еще у троих ребят, которые ходили в музыкальную школу. Старшеклассники – те, кому было больше шестнадцати, – могли гулять до отбоя. Из них свои права тоже сохранили всего несколько человек. Остальные жили «по распорядку дня», прогулки «за территорию» им полагались только в дневное время. По вечерам они собирались в кинозале и смотрели фильмы про любовь. Или каждый со своего смартфона зависал в Интернете. Как они ни ныли, директор оставался непреклонен: нарушил договор – месяц без «увольнительных». Настя сделала выводы, и проблем не возникало.

Сегодня про нее не должны были вспоминать до ужина. Тем более что она сначала вроде как у стоматолога, а потом немножко погуляла...

Настя постучала в дверь кабинета, услышала: «Да» – и вошла.

– Звали, Дмитрий Петрович? Здравствуйте...

Директор сидел за столом, заваленным толстыми папками с торчащими из них бумагами. Он оторвал взгляд от документов и устало сказал:

– А, Настя. Звал. Сейчас иди ужинать, а потом быстро собирайся. Спонсоры предоставили для вас места в лагере экстремального отдыха. На два дня. С вами поедет Светлана Андреевна...

– Я не хочу в лагерь, – быстро сказала Настя. – Можно, я не поеду?

– Голованова, – тяжело, почти по слогам, произнес директор. – Не борзей, ладно? Ты и так пользуешься огромными привилегиями. Хочешь, чтобы я тебе устроил жизнь, которая по распорядку положена?

– Нет!

– Тогда иди. Тебе оставили ужин.

Директор снова уткнулся в бумаги.

– Вы нас специально отправляете? Чтобы не мешали проверке? – не удержалась Настя.

Директор медленно поднял голову и посмотрел на воспитанницу в упор. Настя струхнула: кажется, она перегнула палку. Но Дмитрий Петрович не заругался и не придумал никакого наказания. Сказал:

– Кыш.

Настя молча выскочила за дверь.

В холле разговаривали педагоги – грузная Екатерина Васильевна и молоденькая Светлана Андреевна. Екатерина Васильевна была в детдоме давно, она пришла еще «при Марье». А Светлана Андреевна, или Светочка, как ее называли за глаза, появилась после Нового года и работала музыкальным руководителем. Ходили такие слухи, что она просилась «на семью». Настя мечтала, что Светочку возьмут к ним, вместо старенькой Нины Абрамовны, которую все равно никто не слушался. Насте казалось, что они нашли бы общий язык. Большинство воспитателей походили на директорский сейф – массивные, устойчивые, умеющие рывкнуть так, что подчинялись даже старшие парни. А Светочка была тонкая и воздушная, она не двигалась, а колыхалась, как березка под ветром.

Екатерина Васильевна негромко гудела:

– Они с ума сводят просто! Приезжает санэпидемстанция, говорит: по задней лестнице детям ходить нельзя, дверь должна быть заперта. Мы закрыли. За ними приезжает пожарная инспекция, говорит: задняя лестница – запасной выход, должна быть открыта. Почему не соблюдаете правила безопасности? Штраф!

– Ох, прямо сразу штраф? – Светлана Андреевна прижала к щекам тонкие пальцы.

– Да, потопали к директору, бумагами машут... Но это еще не всё. После них опять СЭС приезжает и снова к двери. Почему, мол, открыли? Мы им: так пожарные велели... Они: ничего не знаем, штраф вам за несоблюдение норм. Хоть дежурного ставь к этой двери и то закрывай, то открывай, смотря откуда проверка приедет. А по поводу мягких игрушек в спальнях...

Тут Катерина увидела Настю и загудела в полный голос:

– Анастасия! Быстро в столовую! Тебя ужин ждет!

– Почему так рано? – Настя могла не смотреть на большие круглые часы на стене. Она и так знала: до ужина еще почти час.

– По кочану! Из-за поездки вашей передвинули. Давай живо, тебя одну ждем. Так бы уже полчаса назад уехали!

Настя пожала плечами, но больше ничего не сказала. Пересекла по диагонали большой холл с кожаными диванчиками и цветами в кадках.

Екатерина Васильевна крикнула ей вслед:

– И шапку сними!

Настя молча сняла шапку, засунула ее за пояс джинсов. Мотнула головой, чтобы расправились волосы, и вошла в обширную столовую.

Еще недавно большинство стульев подняли на столы ножками вверх – так удобнее делать уборку. Для четверых оставшихся воспитанников использовали закуток недалеко от раздачи. А сейчас все стулья выстроились как положено, на блестящем полу. Столы сверкали, на них красовались маленькие букетики цветов в высоких стаканах. Кто-то даже догадался под стаканы подложить бумажные салфетки. Ну и показуха! На одном из столов красиво расположились тарелки и стаканы.

Сок и четыре печенья – это полдник. Макароны, котлета, салат из огурцов и помидоров, компот, два куска хлеба – ужин. Салат сегодня положили не в тарелку к макаронам, а в отдельный красивый салатник. Надо же. И вилка не алюминиевая и гнутая, а новая, стальная.

Из чувства справедливости Настя сдвинула макароны и выгрузила рядом с ними салат. Ела и думала: хорошая штука – проверка. Вот и макароны не разварились в кашу, а лежат в тарелке, как на картинке. И котлета толстая, крепкая. Помидоры в салате порезаны аккуратными дольками. Видимо, комиссия здесь обедала.

Ужин, конечно, давно остыл, но к этому в детдоме быстро привыкаешь. Поев, Настя выдернула из-под стакана с букетиком салфетку и завернула в нее печенье. Воспитатели ругались и запрещали выносить еду из столовой, но многие все равно выносили. Вечером, когда грустно, хорошо пожевать даже просто хлеба. А тем более печенье...

Настя поднялась на второй этаж, в свою комнату. Вернее, в комнату девочек «четыре-два». Четвертая «семья», вторая комната. В ней они жили вчетвером: младшие – Вера и Наташка и старшие – Настя с Маринкой. Маринке исполнилось шестнадцать, и она попала в санаторий. Мелких еще долго будут возить в лагерь...

Пустая комната казалась очень большой. И весь детдом казался просторным и гулким. Без орущей и снующей туда-сюда толпы он стал даже уютным. Жалко, что нужно уезжать. Скоро старшие вернутся из санатория, потом закончится смена у малышек – и прощай, тишина...

Школьная сумка лежала на нижней полке тумбочки. Тому, у кого мало вещей, не нужно много времени на сборы. Уложив необходимое, Настя свернула куртку, пристроила в карман печенье и, взяв зарядное, вспомнила про плеер. Если будут приставать с глупыми заданиями,

всегда можно уйти в сторону и заткнуть уши. Пару минут она размышляла, брать ли с собой дневник, и решила оставить. Здесь его точно никто не найдет, а в лагере неизвестно еще, что за порядки. Вдруг вещи проверяют или любопытные соседки попадутся. Нет уж, лучше не рисковать. В этом дневнике – вся ее жизнь за последний год.

И Тоха.

В дверь постучали.

– Да! – громко сказала Настя.

Вошла Светлана Андреевна.

– Ты готова?

– Готова.

– Купальник взяла?

– Зачем? На улице дубак.

– Говорят, там бассейн с горками, как в аквапарке. Любишь?

Можно подумать, у нее была возможность любить или не любить аквапарки. Когда она там была? Кажется, один раз, еще... в прошлой жизни.

Ничего не сказав, Настя отыскала купальник, убрала в сумку. Огляделась: не осталось ли на виду чего-то лишнего? Это тоже старая привычка. Здесь соседкам не придет в голову схватить ее белье и бегать с ним по комнате. Младшие девчонки не станут воровать конфеты, особенно если не бросать сладкое на тумбочке или кровати. И дневник можно просто положить в стопку футболок, и никто не проявит к нему интереса. Хорошие здесь правила, даже вон в дверь стучат. И не только воспитатели. Директор на линейке сказал: кто стучать не будет, спонсорских подарков на праздники не получит. Только обязательный муниципальный пакетик с дешевыми карамельками. Вот все и стучат, включая мальчишек. Дураков нет.

Комната выглядела так, что ей не страшна никакая проверка. Настя взяла сумку и зашагала к выходу. Воспитательница легко догнала ее и пристроилась рядом.

Обычно Светочка приходила на работу в длинных струящихся платьях. А сейчас она одета по-походному: черные джинсы, кроссовки и рубашка цвета хаки. Такая одежда преобразила воздушную музыкантшу, сделала ее упругой и гибкой, как согнутый лук. Настя почувствовала себя рядом с ней гоблином. Ну что ж, гоблин так гоблин. Она вытащила из-под свитера шапку, натянула почти до глаз и хмуро поинтересовалась:

– Вы нас до лагеря провожаете? А потом приедете и заберете?

Светочка мечтательно отозвалась:

– Нет, я останусь с вами. Это какой-то особенный лагерь, я не очень поняла программу. У них все смены по два дня, какие-то мероприятия под присмотром родителей.

– Там дети с родителями вместе? – удивилась Настя.

– Похоже, да. Или с лицами, их заменяющими.

– А почему с нами Екатерина Васильевна не поехала? Или кто-то с других «семей»?

Светочка замаялась. Нерешительно ответила:

– Они не могут. По семейным обстоятельствам.

Настя усмехнулась. Как-то она слышала, как в интернате одна воспитательница говорила другой: «Надо больно мне сопровождающей ехать. Сказала, что муж не пустил, да и всё. Пусть молодые катаются». Видимо, и здесь так. Но Светочка, похоже, совсем не расстроена поездкой. В холле на первом этаже она подхватила большую спортивную сумку и весело сказала:

– Говорят, там интересно.

– Посмотрим... – буркнула Настя.

Интересно – гулять с Тохой по разным местам. Но Светочке это не понять.

Во дворе возле черного микроавтобуса уже стоял Фёдор, а рядом с ним две девчонки из других «семей» – Олеся и Катька. Фёдор, как обычно, в широченных штанах и огромной толстовке. На голове капюшон, на плече – черный рюкзак. А девчонки расфуфыренные, как

будто на подиум собирались. Короткие юбки, туфли на каблуках, кофточки до пупка. И в руках по маленькой сумочке. Явно ни теплой одежды не взяли, ни нормальной обуви. Настя злорадно усмехнулась, представив себе лес и комаров.

По другую сторону от машины ждал, сунув руки в карманы, незнакомый мужик – видимо, водитель.

Светочка жизнерадостно сообщила:

– Все в сборе! Можно ехать!

– Наконец-то... – проворчал Фёдор.

– Семеро одного не ждут! – пискнула Катька.

Олеся захихикала.

Водитель обошел микроавтобус, откатил в сторону дверь и негромко распорядился:

– Садитесь.

– Можно я вперед? – вылез Фёдор.

– Нет, – спокойно отозвался водитель.

– Лучшие места надо девочкам уступать! – поджав губы, заявила Катька. – Между прочим, меня укачивает!

Водитель не глянул на нее и обернулся в Светочке.

– Хотите вперед сесть?

Светлана Андреевна растерялась.

– Не знаю... – пробормотала она. – Я лучше в салоне, с ребятами...

Водитель пожал плечами, дождался, пока все усядутся, задвинул дверь и сел на свое место. Машина тихо заурчала мотором и плавно выехала за ворота детдома.

Внутри микроавтобус напоминал маршрутку. Девчонки усадились на два места в первом ряду. Фёдор ушел назад и улегся там. Настя села в отдельно стоящее кресло у окна, третье по счету, – чтобы не слышать, о чем шепчутся Катька с Олесей. И оказалась ровно посередине салона. Напротив нее, на сдвоенном сиденье, устроилась Светочка.

Машина быстро ехала в сторону кольцевой. Это понятно: лагерь и положено находиться за городом. Интересно, сколько до него ехать? Спрашивать у неразговорчивого водителя не хотелось, но выяснить это как-то надо. Тоха будет ждать звонка после ужина. Сейчас они с бабушкой, наверное, ставят на стол красивые тарелки с волнистой каемкой... Звонить ему сейчас, во-первых, рано. А во-вторых, разговор услышат все присутствующие. И начнутся потом вопросы и глупые смешки.

Тут Настя вспомнила, что теперь можно же не звонить, а написать «ВКонтакте»! Она достала смартфон... и чуть не выругалась. Телефон не включался! Настя нажала на все кнопки несколько раз – экран по-прежнему оставался темным. Разрядился, что ли? Но когда Катерина звонила, оставалось еще полбатарейки!

Настя сердито сунула телефон в сумку и достала плеер и наушники. За окном начался незнакомый район, стало больше зелени. Так они ехали больше часа. Любимая музыка немного успокоила Настю, но досада все равно осталась. Хорошо, что к ней никто не лез. Фёдор валялся на сиденьях, девчонки переговаривались и хихикали, Светочка смотрела в окно. Город закон-

чился, по обе стороны дороги потянулся лес. Вдруг машина резко повернула в просвет между деревьями, под колесами зашуршала щебенка.

Светочка пересела ближе к проходу. Громко спросила:

– Подъезжаем?

– Да, минут десять осталось, – отозвался водитель.

Лес стал совсем густым, дорога вильнула вправо. В левом окне все так же темнела зелень, а в правом вдруг появилось небо. Лес словно провалился вниз, в округлую впадину, похожую на лунный кратер. На дне впадины виднелись белые домики с синими острыми крышами и большое прямоугольное здание. Дорога резко пошла под уклон, мелькнула серая стена приземистой трансформаторной будки, и в окна замахали лапами огромные ели. Еще пара минут – и машина остановилась.

Едва дождавшись, пока Светочка откроет дверь, засидевшиеся пассажиры выскочили из микро- автобуса.

Пахло хвоей и мокрой травой. Холодный воздух хватал за шею и просачивался в дырки на джинсах. Настя поёжилась и накинула куртку. Небо за деревьями розовело – там садилось солнце. Машина почти бесшумно отъехала.

Стало тихо. Даже девчонки не хихикали. Коротко просвистела какая-то птица, ветер прошелестел в высокой траве. Вместо привычных газонов здесь хозяйничали крапива, репейник и полынь. Высокие, взрослому по грудь. Через заросли в разные стороны разбежались дорожки из квадратных плиток.

То тут, то там из дремучей зелени выглядывали желтые окошки. За маленьким двухэтажным домиком возвышался трехэтажный бетонный куб с огромными темными окнами. Настя мгновенно узнала в нем спорткомплекс.

Дверь домика открылась, на крыльцо вышел светловолосый парень в белой рубашке и черных брюках. На шее – бейджик на синей ленте, на нем крупно написано имя и мелко – отчество.

– Здравствуйте, – улыбнулся парень, – с приездом. Меня зовут Александр, я куратор вашей смены. Заходите, будем оформляться.

Внутри домик выглядел совсем по-городскому. Большая комната, по периметру расставлены пластмассовые стулья. Небольшой столик, на нем – бейджики, фломастеры, листы бумаги. Бейджики не как у Александра, на ленте, а на прищепке с булавкой. У стенки – кулер с водой и стойка, как в гостиницах. Сама Настя, конечно, в гостиницах не бывала, но в кино видела сто раз.

Александр негромко сказал:

– Молодежь, садитесь. Сопровождающий, подойдите сюда, пожалуйста.

Настя спокойно села на ближайший стул. Почему-то этого парня хотелось слушаться. Фёдор развалился рядом, девчонки устроились в углу.

Светочка вынула из своей сумки документы в прозрачной папке, подала куратору. Тот посмотрел, кивнул и защелкал клавишами спрятанного в стойке компьютера. Зашуршал принтер.

Парень жестом указал Светочке на стул и сам сел напротив, так, чтобы видеть всех.

– Итак, ребята, вы проведете здесь два дня. На это время у нас разработана обширная программа.

– А можно в ней не участвовать? – лениво поинтересовался Фёдор.

– Можно, – невозмутимо отозвался Александр. – Только будет очень скучно.

– Мобильники отбираете, да? – насторожился Фёдор.

Александр улыбнулся:

– Нет, зачем? Работать они все равно не будут. Говорят, когда-то сюда упал метеорит, теперь здесь аномальная зона. Даже компьютеры сбой дают время от времени, а мобильники просто не ловят Сеть.

– Инета нет? – мрачно поинтересовался Фёдор.

– Нет.

Фёдор надул губы, сложил руки на груди и отвернулся. Как малыш, которому не дали конфетку. Настя подавила улыбку.

Олеся и Катька возмущенно зашебетали:

– Почему это! Как?!

Александр поднял ладонь:

– Спокойно.

Девчонки сразу замолчали. Куратор выдержал паузу, взял свой бейджик за ленточку и покачал туда-сюда.

– Любую проблемную ситуацию вы можете решить со взрослым, на котором вы видите вот такой бейдж, на ленте. Обращаться у нас принято на «вы» и по имени в полной форме. Отчество – для официальных случаев. Это понятно?

Настя кивнула. Фёдор все так же сидел отвернувшись. Катька и Олеся совсем притихли. Светочка смотрела на Александра во все глаза. А тот продолжил:

– Все участники программы, и дети и взрослые, обязательно должны иметь на себе бейдж. Вот они, лежат на столе. Если на вас не будет бейджа, вас не допустят к мероприятиям, а взрослые будут задержаны до выяснения личности. Сейчас возьмите, пожалуйста, фломастеры и напишите, как бы вы хотели, чтобы вас звали эти два дня.

– В смысле? – не понял Фёдор.

– Вы можете написать любое имя, – терпеливо объяснил Александр. – Никнейм, прозвище, что угодно. Только сами не забывайте, что написали. Давайте, за дело.

Настя встала, выбрала синий цвет, аккуратно подписала бейджик и приколола к свитеру. Девчонки схватили по фломастеру и отбежали в сторону. Фёдор написал корявыми красными буквами: «Санёк». Настя удивилась, но тут же вспомнила: он же действительно Саша. Фёдоров. В детдоме за ним закрепились кличка от фамилии, потому как кроме него было еще пять Саш, и две из них девочки...

Светочка написала так же, как у куратора: имя крупно, отчество – мелко.

Девчонки подошли и гордо задрали носы. У Олеси на бейджике было написано «Богиня», у Катьки – «Королева».

– Готовы? – Александр посмотрел на имена и кивнул, как будто каждый день такие видит. – Пойдемте заселяться. Берите вещи.

На улице уже совсем стемнело. В густых зарослях горели круглые фонари. От них темнота казалась уютной и немного сказочной. Два фонаря освещали овальный асфальтовый пятночок с большим фанерным стендом. На нем пестрели разноцветные листы бумаги.

– Это расписание. – Александр махнул рукой в сторону стенда. – Давайте покажу.

Катька и Олеся вылезли вперед. Настя встала чуть в стороне – на зрение она не жаловалась.

Куратор ткнул пальцем в розовый лист:

– Вот тут будет основное и альтернативное занятие. Если альтернативы нет, то всегда можно пойти в библиотеку или кинозал. В девять – завтрак, в час – обед. Он длинный, два часа. Ужин в семь. Разрешается оставаться в комнате, если вам все надоело или полежать захотелось. А вот шататься по территории у нас запрещено.

– А что в кинозале показывают? – мрачно поинтересовался Фёдор. Он сунул руки в карманы и всем видом показывал, как ему здесь не нравится.

– Завтра здесь вывешат расписание фильмов. Теперь смотрите. Вон там флаг под фонарем. Это столовая. А рядом спортивная площадка. На случай, если вы рано встанете и захотите зарядку сделать.

– А если не захотим? – томно осведомилась Олеся.

– Тогда в половине девятого вас разбудит дежурный по коттеджу. Вы можете пропускать какие угодно мероприятия, но посещение столовой у нас обязательно. Идем дальше.

Два домика остались позади, и у третьего Александр сказал:

– Королева и Богиня, сюда, пожалуйста.

Девчонки переглянулись, быстро поднялись на крыльцо и исчезли за массивной дверью.

– Светлана, ваш домик прямо за этим. Проводить вас или найдете?

– Найду, конечно. До завтра!

– Нет, еще сегодня, вам на месте расскажут. Для взрослых у нас своя программа...

Светочка быстро глянула на Фёдора и Настю, негромко пожелала: «Спокойной ночи» – и решительно свернула в темноту.

У следующего домика Александр сказал:

– Санёк.

Фёдор буркнул «до свидания» и ушел, бухнув тяжелой дверью.

Настя осталась один на один с куратором. Они шли к темной стене деревьев. Тени от фонарей то падали вперед, то убегали за спину. Шелестели легкие шаги.

Александр вдруг спросил:

– Темноты не боишься?

– Нет.

– Это хорошо. Осталось место в дальнем домике, он на самом краю обжитой территории. За ним лес.

– К вам тут волки, что ли, приходят? – снисходительно улыбнулась Настя.

– Волки – нет. А лосиху видели. И лисы бегают.

Настя оценила, что куратор не стал запугивать. Впрочем, боязнь темноты вне логики. Какая разница, есть волки или нет, если страшно. Настя давно не боялась придуманных опасностей – хватало настоящих.

Дорожка снова вильнула и привела к высокому крыльцу с небольшим козырьком. Сбоку от двери светила граненая лампа на бронзовой изогнутой ножке, под ней разместились простая скамейка – доска на двух столбиках. А сама дверь оказалась не глухая, а с квадратным стеклянным окошком, разделенным на четыре части крестообразным переплетом.

– Тебе сюда, – кивнул куратор. – Хорошего отдыха!

– И вам! – машинально отозвалась Настя и тут же прикусила язык: это она здесь на отдыхе, а куратор работает. Но говорить ничего не стала, поднялась на крыльцо и открыла дверь.

Внутри горел неяркий желтый свет. Настя сразу же увидела просторный зал и широкую деревянную лестницу, уходящую на второй этаж. Стены комнаты тоже деревянные, на полу ламинат. Рядом с лестницей – кулер с водой и коричневая дверь со стеклянным окошком. Справа у входа стояло кресло, в нем читала книжку девушка с бейджиком на синей ленточке.

Услышав звук отрывшейся двери, девушка отложила книгу на столик, встала и улыбнулась:

– Здравствуй, Настя. Пойдем, покажу тебе, где ты будешь жить.

Настя кивнула. Имя девушки она, конечно, увидела – Лариса. Но начинать вот так запросто называть человека по имени только потому, что умеешь читать, было как-то неловко.

В коридор второго этажа выходило пять дверей, три справа и две слева. Наметанный глаз Насти сразу заметил две камеры слежения: одна смотрела на двери, другая на лестницу. Вот это контроль!

Лариса подвела Настю к дальней комнате по левой стороне. Не постучав, открыла дверь и включила свет. Настя сначала удивилась такой бесцеремонности, но тут же поняла, что в комнате никто не живет. Две двухъярусные кровати заправлены идеально ровно, на бежевых покрывалах – ни морщинки. Подушки стоят треугольниками, белеет свежее постельное белье. Нетронуты полотенца, свернутые корабликами. Красно-коричневая ковровая дорожка такая чистая, что страшно ступить на нее в обуви. У другой стены – четыре шкафчика, как в раздевалке спортивного зала. Дверцы шкафчиков приоткрыты, из замков торчат ключи. Дальше в стене узкая белая дверь, тоже приоткрытая. Свет из комнаты выхватывает кафель и фаянс – там небольшой, но полноценный санузел. Ничего себе условия!

– Ну вот, – негромко произнесла Лариса. – Если ничего не случится, то ты здесь будешь одна. Выбирай любую кровать.

– И верхнюю можно? – не поверила Настя.

– А ты не ходишь во сне?

– Нет.

– Тогда можно.

Настя спросила, не переставая удивляться:

– У вас во всех детских спальнях кровати двухъярусные?

– Это взрослая комната, – улыбнулась Лариса. – Похоже, у нас кончились детские места. Вот это повезло! Интересно, почему куратор поселил сюда именно ее?

Лариса добавила:

– Спускайся вниз через пятнадцать минут. Если что-то будет нужно – позови. – И ушла, бесшумно прикрыв дверь.

Настя поставила на зарядку телефон и разобрала вещи. Закрывать шкафчик на ключ не стала – что у нее брать? Сбросила кеды, повесила ветровку на крючок у двери. Прицельно оглядела койки и выбрала верхнюю, ближнюю к окну.

Настя немного повалилась на кровати, примеряясь, в какую сторону головой спать. Внутренние часы отсчитали пятнадцать минут, Настя спрыгнула с кровати, обулась и открыла дверь. На первом этаже гомонил народ – примерно как их класс, когда собирается на экскурсию. Настя быстро спустилась по лестнице.

В холле толпилось человек двадцать разного возраста, от малышей из началки до высоких парней, явно старшеклассников. Входная дверь открылась, вошла девушка, а за ней парень и крупный бородатый мужчина. У каждого из них был бейджик на синей ленте. Бородатый держал в руке гитару.

– Приветствую наших гостей! – загудел бородатый. – До отбоя еще есть время, поэтому, кто хочет посидеть у костра, послушать песни, подходите ко мне.

В толпе началось движение, но тут подняла руку девушка. Все посмотрели на нее, а она заговорщицким голосом произнесла:

– В черном-черном лесу, на черной-черной поляне стоял черный-черный дом... А в нем... наш вечер страшных историй! Кто хочет слушать и рассказывать страшилки – ко мне!

– Ну а кто устал или просто хочет посмотреть мультфильм – ко мне, – закончил парень.

– А что смотреть будем? – спросил кто-то из ребят.

– «Город героев».

Народ зашевелился, загомонил. Взрослые разошлись в разные углы комнаты, каждый поднял руку и громко произнес:

– Костер!

– Страшилки!

– Мультик!

Настя даже не думала. Протолкалась к мужику с гитарой, посмотрела на его бейджик и попросила:

– Анатолий! Не уходите без меня, я только куртку возьму. Ладно?

Бородач кивнул. Вокруг него собралось человек восемь. Настя пробралась к лестнице, поднялась к себе в комнату, сдернула с вешалки куртку. Проверила телефон – заряжается! – и бегом спустилась вниз. Желаящие смотреть мультики уже ушли, любителей страшных историй веселая девушка пересчитывала по головам – там было много малышей.

Анатолий, увидев Настю, кивнул:

– Все в сборе. За мной!

На улице он сразу взял в сторону от фонарей, сказал:

– Там тропинка! Идите по следу! – и растворился в темноте.

– По какому следу?.. – недовольно спросил кто-то из парней.

А девчоночий голос весело ответил:

– Смотрите! Лапки!

Между большими лопухами светились фонарики в форме кошачьих следов. Большие, почти с ладонь. Настя пошла туда, куда они вели. Деревья расступились, под кедами не путалась трава – видимо, там действительно была тропинка. Ребята пристроились за ней. Кто-то подсвечивал телефоном под ноги.

Скоро они вышли на небольшую поляну. Заметались лучи фонариков, выхватывая старое кострище, по кругу обложено большими камнями, и скамейки, сделанные из бревен. У кострища на корточках сидел Анатолий. Он составлял шалашиком тонкие веточки.

– Все пришли? – спросил Анатолий. – Да погасите вы свет, сразу станет лучше видно.

– Как это? – не поверил кто-то.

– Увидишь.

Фонарики погасли. Почти на ощупь ребята начали рассаживаться по кругу. Загудела гитара – видимо, кто-то случайно задел. Настя тоже села, нашарив неровный ствол дерева. Постепенно глаза привыкали к темноте. А тут еще Анатолий щелкнул зажигалкой, и посреди поляны затанцевал ярко-оранжевый огонек. Он быстро разгорелся и стал серьезным костром. Осветил кучу хвороста, похоже приготовленную заранее. Анатолий подбросил дров, отряхнул руки и сел в круг с ребятами. Взял гитару, пробежался по струнам. Стало тихо-тихо, только потрескивали в костре ветки. Анатолий негромко запел.

У него оказался очень мягкий и теплый голос. Он пел о дальних морях и о старых картах. О сундуках, которые где-то спрятаны, о ветре, который зовет в дорогу. Настя не знала таких песен. И ребята не подпевали – видимо, не знали тоже. Но слушали очень внимательно.

Небольшая компания, собравшаяся у костра, сидела удивительно спокойно. Иногда кто-то подбрасывал в костер ветки, а больше никто не шевелился. Не возил ногами, не ерзал, не пересаживался. Огонь выхватывал из темноты чье-то колено или плечо, бросал отсвет на лица. Темнота сгустилась за спиной, а перед костром отступила. И в этом безмолвном кругу Насте стало спокойно и уютно. Ей хотелось, чтобы этот вечер подольше не заканчивался. Анатолий словно услышал ее – он пел, пел и пел... И все-таки наступил момент, когда он откашлялся и отложил гитару в сторону. Но вместо ожидаемого: «Всё, идем спать», Анатолий вытащил из-за кучи хвороста большой пакет. Достал из него длинные заостренные палочки.

– Хлеб на костре жарили когда-нибудь?

Кто-то из девчонок ответил:

– Зефирки жарили...

– Зефирки – не тру, – солидно отозвался Анатолий. – А мы будем тру. Разбирайте.

Он пустил в одну сторону палочки, а в другую – пакет. В нем оказался нарезанный хлеб. Без шума и толкотни ребята разобрали и то и другое. Со всех сторон к огню потянулись «шашлычки». Настя тоже надела кубик хлеба на палочку и почти положила на угли. Хлеб быстро запекся. Так сделали еще двое, остальные бестолково палили свои «шашлычки» в верхней части пламени.

Ребята захрустели поджаренным хлебом – и пакет снова пошел по кругу. Так же в тишине поджарили вторую порцию. Настя ждала, что вот-вот ребята оживятся, начнут смеяться, толкаться и гомонить. Но нет. Видимо, спустилось на всех лесное колдовство.

Хлеб все-таки кончился, и Анатолий сказал:

– Ну что, пора заканчивать. У нас есть минутка, чтобы мысленно поблагодарить огонь и загадать желание. Если вы искренне поблагодарите, желание сбудется.

Анатолий говорил абсолютно серьезно. Никто не хихикнул, что «как в детском садике». Насте было хорошо-хорошо. Она беззвучно произнесла: «Спасибо». И добавила: «И пусть два дня будут как этот вечер!»

Анатолий большой веткой сгреб угли ближе к центру кострища и аккуратно полил водой из большой пластиковой бутылки. Угли зашипели, задымили, покрылись серым пеплом – словно закрывались огненные глаза. Насте стало жаль костра. Она вздохнула и решила, что огонь просто заснул до следующего раза., попрощалась с ним и поднялась вместе со всеми.

Нешумная стайка двинулась по тропинке. В высокой траве по-прежнему светились большие кошачьи следы. Настя откололась от компании самой первой.

В холле Лариса по-прежнему читала книгу. Она подняла голову и сказала:

– Настя, тебе там йогурт оставили. Это второй ужин.

– Спасибо.

Небольшая бутылочка действительно стояла на тумбочке. Хороший йогурт, дорогой. Вот и пригодилось печенье. После жареного хлеба не особо хотелось есть, но не оставлять же. Настя поужинала, умылась и с удовольствием вытянулась на верхней кровати. Только сейчас она почувствовала, что все-таки устала за день. Одно ее беспокоило – Тоха.

Телефон заработал, показал сто процентов заряда. А сети действительно не было. И Интернет не работал, не соврал куратор.

Настя никак не могла улечься, как будто кто-то насыпал на простыню крошек. Вроде бы она не виновата, но Тоха будет переживать. Хорошо бы он догадался попросить бабушку

позвонить в детдом, ей наверняка скажут, что оставшихся ребят увезли. С этой успокоительной мыслью Настя заснула.

* * *

Проснулась Настя от солнца, светившего прямо в глаза. Часы на мобильнике показывали семь двенадцать. Отлично, до завтрака куча времени.

Настя быстро привела себя в порядок, сунула в карман телефон и спустилась вниз. В кресле в углу никого не было. Настя попила воды из кулера и вышла на крыльцо. С ослепительно синего неба светило очень яркое солнце. Оно отбрасывало густые тени и блестело на плотной листве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.